

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.042

УДК 94(44)“1798/1801” +
94(620)“1798/1801”А. В. Чудинов^{1,2}¹Саратовский национально-исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Саратов, Россия

²Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ТЕРРОР ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЗЕМЛЕ ЕГИПТА 1798–1801 гг.

Историки достаточно много писали о том, что Наполеон Бонапарт, начиная в 1798 г. свой Египетский поход, взял с собой все необходимое для того, чтобы познакомить египтян с передовыми достижениями европейской цивилизации. Гораздо реже в историографии упоминается о том, что Наполеон привез с собой на Ближний Восток и такой ее «дар», как революционный террор. Именно террор из всех «достижений» революционной Франции нашел там наиболее активное применение. Поняв, что ни реверансы в отношении Пророка Мухаммеда, ни анти-мамлюкский дискурс не обеспечивают французам симпатий мусульман Египта, Бонапарт пустил в ход террор, который не прекращался ни на день на протяжении всего периода оккупации. Политика запугивания населения оккупационными властями носила систематический характер, хотя при этом и сочеталась с различного рода показательными жестами главнокомандующего, рассчитанными на завоевание симпатий мусульманской элиты. Происходило своего рода разделение обязанностей: Бонапарт пытался обаять влиятельных шейхов мечети аль-Азхар, устраивал для них обеды, вел ученые беседы об исламе и одаривал подарками, а полиция из местных христиан и магрибских наемников изо дня в день терроризировала жителей Каира и его окрестностей, по своему произволу убивая невинных людей, чтобы запугать всех остальных. С отъездом Бонапарта из Египта, когда во главе Восточной армии встал Клебер, террор не прекратился, а лишь изменил свой характер с постоянного на ситуативный. После смерти Клебера его преемник генерал Мену опять придал террору постоянный характер. Именно политика террора и позволила крошечному меньшинству в тридцать тысяч человек на протяжении трех лет удерживать власть над несколькими миллионами жителей страны, почти в два раза превышавшей размерами Францию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Французская революция; Египет; террор; Наполеон Бонапарт; Ж. Б. Клебер

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи».

Ц и т и р о в а н и е: Чудинов А. В. Террор Французской революции на земле Египта 1798–1801 гг. DOI 10.15826/izv.2.2020.22.3.042 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42.

Поступила в редакцию: 31.05.2020

Принята к печати: 14.07.2020

Alexander V. Tchoudinov^{1,2}

¹*Saratov State University*

Saratov, Russia

²*Institute of World History RAS*

Moscow, Russia

TERROR OF THE FRENCH REVOLUTION IN THE LAND OF EGYPT, 1798–1801

Historians have written quite a lot about the fact that, starting in 1798 with his Egyptian campaign, Napoleon Bonaparte took everything necessary with him to acquaint the Egyptians with the advanced achievements of the European civilization. However, historiography quite rarely mentions that Napoleon brought another “gift” to the Middle East in the form of revolutionary terror. Out of all the achievements of revolutionary France, it was terror that was most actively used there. Having realised that neither praises of Prophet Muhammad nor anti-Mamluk discourse provided the French with sympathies of the Muslims of Egypt, Bonaparte used *la terreur*, which did not stop for a day during the entire period of occupation. The policy of intimidation of the population by the occupants was systematic, although it was combined with various ostentatious gestures of the commander-in-chief designed to win the sympathy of the Muslim elite. There was a kind of division of responsibilities: Bonaparte tried to charm the influential sheikhs of the al-Azhar mosque, invited them to dinners, conversed with them about Islam, and gave them gifts; at the same time, the police made up by local Christians and Maghreb mercenaries day after day terrorised the inhabitants of Cairo and its environs, arbitrarily killing innocent people to intimidate everyone else. With the departure of Bonaparte from Egypt, when Kleber took charge of the Oriental army, terror did not stop, but only changed its character from permanent to situational. Following Kleber’s death, his successor, General Menou once again gave terror a permanent nature. It was the policy of terror that allowed a tiny minority of thirty thousand people to hold power over several million people in a country almost twice the size of France for three years.

К е y w o r d s: French revolution; Egypt; terror; Napoleon Bonaparte; J.-B. Kleber

Acknowledgements

The study is funded by the *Russian Science Foundation*, grant 20-18-00113 “Man at War: The Anthropology of Military History of the Napoleonic Era”.

F o r c i t a t i o n: Tchoudinov, A. V. (2020). Terror Frantsuzskoi revoliutsii na zemle Egipta 1798–1801 gg. [Terror of the French Revolution in the Land of Egypt,

1798–1801]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 27–42. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.042

Submitted: 31.05.2020

Accepted: 14.07.2020

В 1798 г. Наполеон Бонапарт, отправляясь в Египет, ареал совершенно иной культуры, мало схожей с европейской, по нынешним меркам почти что на иную планету, взял с собой все необходимое для того, чтобы познакомить аборигенов с передовыми достижениями европейской цивилизации — естественными науками, воздухоплаванием, периодической печатью, археологией, театром. Впрочем, историки достаточно много писали об экспорте этих культурных ценностей революционной Франции в мусульманскую страну [см., например: Bret; Laissus; L'expédition...], поэтому подробно останавливаться на данном предмете здесь нет необходимости. Гораздо реже в историографии упоминается о том, что Наполеон, «дитя» Французской революции, привез с собой на Ближний Восток и такой ее «дар», как революционный террор. Далее речь пойдет именно об этом.

Террор как способ революционного управления

«Большой Энциклопедический словарь» определяет *террор* как «насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения» [Террор]. Иными словами, политика террора имеет рациональный и целенаправленный характер. Ее средство — насильственные действия, способные вызвать страх у тех людей, в отношении которых она проводится. Ее цель — навязать этим людям определенную линию поведения. Иначе говоря, террор — это отнюдь не любое насилие, вызывающее страх у тех, кто оказался его свидетелем, а лишь то, которое осознанно используется для принуждения людей к определенному поведению путем их запугивания. Этим террор отличается, скажем, от военных действий, где насилие, бесспорно, пугающее очевидцев, имеет, однако, целью уничтожение неприятеля.

Разумеется, примеры политики террора можно найти и в истории разных стран, предшествующей Французской революции. Однако собственно понятием «террора» политическая культура современности обязана именно Французской революции. На определенном этапе революционных преобразований во Франции террор был официально провозглашен государственной политикой и получил в таком качестве не только широчайшее применение, но и теоретическое обоснование. Напомню, к примеру, знаменитую формулировку Робеспьера: «Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор — добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна» [Робеспьер, т. 3, с. 112].

Террор — это отнюдь не синоним чрезвычайных мер как таковых. Разницу между тем и другим хорошо показал член Конвента Жан-Ламбер Тальен, выступая перед коллегами-депутатами 28 августа 1794 г., т. е. ровно месяц спустя после переворота 9 термидора. Считая, что революционное правительство должно внушать страх своим недругам, Тальен, однако, полагал, что страх страху рознь:

Правительство имеет два способа заставить себя бояться. Один состоит в том, чтобы ограничиваться выявлением дурных *действий* и выносить за них пропорциональные наказания. Другой состоит в том, чтобы угрожать *лицам* всегда и за все что угодно — угрожать такими жестокостями, какие только может подсказать воображение. Эти два способа оказывают разное воздействие: один пробуждает страх в определенных случаях, другой — терзает страхом постоянно; один вызывает предчувствие того ужаса, который последует за совершением преступления, другой собственно и ведет к тому, чтобы душа наполнилась ужасом (*terreur*), независимо от ощущения своей невинности; один предполагает разумный страх перед законом, другой — безумный страх перед людьми [Archives Parlementaires..., p. 56].

Тальен хорошо знал, о чем говорит. Монтаньяр и якобинец, он в течение одиннадцати месяцев 1793–1794 гг., вошедших в историю как «эпоха Террора», успел побывать и среди тех, кого боялись, и среди тех, кто боялся. В качестве представителя Конвента он был направлен в мятежный Бордо для проведения репрессий [Зайцева, 2018а; 2018б]. Однако там он вскоре стал проявлять неуместную для революционера снисходительность, чем навлек на себя подозрения робеспьеристского «триумvirата». Его отозвали в Париж, и там уже над ним самим в течение нескольких месяцев висела угроза ареста. Не удивительно, что его описание психологического воздействия террора на людей выглядит глубоко прочувствованным:

Террор — это всеобщий, ставший привычным страх; страх, который приходит извне и проникает в самые глубокие фибры души, ведет личность к деградации и низводит на уровень животного; это — истощение всех физических сил человека и его моральное опустошение, расстройство всех его мыслей, полная перемена всех его привязанностей, настоящее смятение души, которое оставляет в ней лишь способность страдать и отнимает у нее в несчастьях как сладость надежды, так и те ресурсы, что дает отчаяние. Вызываемый террором ужас — это экстремальное чувство, которое не может стать ни больше, ни меньше [Archives Parlementaires..., p. 56].

Со знанием дела Тальен описывал и те методы, которыми вызывается у людей подобное чувство всепоглощающего страха:

Правительство не может вызвать ужас (*terreur*) иначе, как угрожая смертными карами, угрожая без конца, угрожая всем, угрожая различными эксцессами, постоянно обновляемыми и возрастающими, угрожая за всякое действие и даже за бездействие, угрожая на основе любого доказательства и даже без тени какого-либо доказательства, пугая устрашающей картиной неограниченной власти и беспредельной жестокости.

Дабы заставить дрожать всех, надо не только сделать так, чтобы каждое действие могло стать наказуемым, каждое слово несло в себе опасность, а молчание навлекало

подозрение; надо также расставить ловушки на каждом шагу, поместить в каждый дом шпиона, в каждую семью — предателя, а в трибунал посадить убийц. Одним словом, надо суметь сделать так, чтобы наказание некоторых становилось пыткой для всех, чтобы прерывая жизнь одних, накладывая узы (*abréger*) на жизнь остальных, — в этом состоит искусство сеять ужас (*terreur*) [Archives Parlementaires..., p. 56–57].

Таким образом, по весьма квалифицированному мнению Тальена, неотъемлемым атрибутом террора является произвол. Понимание каждым человеком того, что на него в любой момент, вне зависимости от его действия или бездействия, может обрушиться карающая десница государства, и наполняло людей тем тотальным страхом, который собственно и составлял сущность террора. Именно такой эффект, в частности, имели наиболее известные террористические законы периода революционного правления — декрет о подозрительных от 17 сентября 1793 г. и декрет о революционном трибунале от 22 прериала II года (10 июня 1794 г.). Растяжимость и неопределенность их формулировок, под которые можно было подвести любого человека, и создавала то всепроникающее чувство страха, которое испытывали даже те, кто не знал за собой никакой реальной вины [подробнее см.: Генифе].

И, наконец, Тальен выявил еще одну важную особенность террора, заметив, что тот «может быть полезен только меньшинству, которое стремится угнетать большинство» [Archives Parlementaires..., p. 57]. Действительно, период Террора во Французской революции — это время наиболее сомнительной легитимности институтов власти за все революционное десятилетие. Принудительная «чистка» Конвента 2 июня 1793 г. существенно подорвала его законность в глазах избирателей. Принятая же им Конституция 1793 г. так и не была введена в действие. Не удивительно, что при отсутствии у правящего режима прочной правовой основы террор являлся для находившегося у власти радикального меньшинства наиболее эффективным способом ее сохранения.

На примере этой концептуально насыщенной речи Тальена можно убедиться, что участники Французской революции прекрасно понимали специфику такого феномена, как террор, и сумели дать ему развернутое теоретическое объяснение.

«Школа» террора

Впрочем, даже те, кто не поднялся до теоретического осмысления террора, имели более чем достаточно возможностей пройти его «школу» на практике. Особенно интенсивным такое «обучение» было в Париже и в тех регионах, население которых пыталось оказать действенное сопротивление революционной диктатуре, прежде всего в Вандее.

Карательные акции в Вандее развернулись уже после подавления там антиправительственного крестьянского восстания и осуществлялись летучими отрядами, получившими название «адских колонн». Репрессии были направлены не против конкретных участников движения, а против населения региона в целом и преследовали цель посеять всеобщий страх, который предотвратил бы

рецидивы сопротивления. Член Комитета общественного спасения Лазар Карно так объяснял это руководителям армии Запада в письме от 23 июля 1794 г.:

Женщины, дети и старики, а также силой втянутые во всё это люди, без сомнения, не заслуживают такой же участи, как те изверги, что устроили восстание и по собственной воле участвовали в нем, а потому по отношению к первым можно было бы применить менее суровые меры обеспечения безопасности, но это означало бы подвергнуть регион ужасам новой войны и оставить патриотов на милость разбойников — вот к чему бы привело неразумное и губительное снисхождение к таковым [Savary, p. 43].

Иначе говоря, речь шла о произвольных, неизбирательных репрессиях, призванных карать не за конкретные проступки, а за саму принадлежность к данной категории населения. Причем такие репрессии преследовали одну единственную цель — повергнуть жителей региона в страх и лишить их воли к сопротивлению властям.

Переворот 9 термидора запустил процесс демонтажа репрессивного механизма революционного правления и положил конец политике террора. Правда, отдельные рецидивы террора имели место и в последующие годы революционного десятилетия, к примеру, расправа над роялистами на полуострове Киберон, происшедшая при участии все того же Тальена [см.: Зайцева, 2019]. Однако подобные рецидивы носили спорадический, ситуативный характер, далекий от систематической государственной политики террора, проводившейся диктатурой монтаньяров. Хотя сама такая политика, казалось бы, ушла в прошлое с падением Робеспьера, полученный за время ее проведения опыт — у кого-то опыт наблюдателя, но у многих опыт соучастника — останется с современниками тех событий на всю жизнь.

Командующий Восточной армией Наполеон Бонапарт и пришедшие с ним в Египет офицеры и генералы тоже прошли эту «школу» террора в том или ином качестве. Некоторые лично участвовали в подавлении Вандейского восстания, как, например, генералы Луи-Александр Бертье, Жан-Батист Клебер, Жак-Франсуа Мену, Франсуа-Этьен Дама, Томас Александр Дюма, а также многие старшие и младшие офицеры. Другие могли видеть, как работает машина террора, на примере своих друзей, близких, а кто-то и сам едва не стал ее жертвой. То же касалось и гражданских служащих оккупационной администрации Египта, в числе которых, кстати, был и Тальен. Одним словом, все прибывшие на берега Нила французы прекрасно знали, что такое всеобщий страх, как он действует на людей и каким образом его можно вызвать.

Неудавшийся обман

Нельзя, правда, сказать, что подчинение себе Египта посредством именно террора изначально входило в планы Бонапарта. Ученик философии Просвещения с ее упрощенными представлениями о роли религии как «обмана», он полагал, что ему удастся обойтись без чрезмерного насилия и завоевать симпатии

мусульман, просто одурачив их, а именно — прикинувшись сторонником ислама [Laurens, 2004, p. 147–157]. Именно таковым он объявил себя в первом своем обращении к жителям Египта: «Народ Египта, вам скажут, что я пришел погубить вашу религию, не верьте этому! Ответьте, что я пришел восстановить вас в ваших правах, наказать узурпаторов, что я больше, чем мамлюки, чту Аллаха, его пророка Мухаммеда и славный Коран!» [La Jonquière, t. 2, p. 62]. Соответственно, его инструкция военнослужащим Восточной армии, зачитанная личному составу еще на кораблях по пути в Египет, призывала к установлению взаимопонимания и сотрудничества с местным населением:

Народы, с которыми вы будете жить, мусульмане. Первая заповедь их веры гласит: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». Не спорьте с ними. Поступайте с ними так, как мы поступали с евреями и с итальянцами. Уважайте их муфтиев и имамов так, как вы это делали по отношению к раввинам и епископам. Проявляйте к церемониям, предписанным Кораном, и мечетям ту же толерантность, что вы проявляли к религиям Моисея и Иисуса Христа [Ibid., p. 22].

Реальность, однако, обманула надежды завоевателя. Арабское население Египта не поверило Бонапарту [подробнее см.: Прусская, 2016а, с. 128] и не только не приняло французов с распростертыми объятиями как «освободителей от гнета мамлюков», на что рассчитывали инициаторы экспедиции, но и, сплотившись вокруг этих самых мамлюков, оказало пришельцам ожесточенное сопротивление [см.: Чудинов, 2016, с. 22–26]. В результате тридцать тысяч французов оказались во враждебном окружении многочисленного мусульманского населения, люто их ненавидевшего. В подобных условиях взаимопонимание и сотрудничество давались с трудом.

Это хорошо видно на примере деятельности в Александрии генерала Клебера [подробнее см.: Чудинов, 2019, с. 43–56]. Получив ранение при штурме этого города, он был оставлен там комендантом гарнизона. Армия ушла дальше, на Каир. Сталкиваясь с постоянной недоброжелательностью, а время от времени и с актами насилия со стороны мусульман по отношению к французам, Клебер, тем не менее, строго соблюдал инструкции Бонапарта и активно пытался налаживать сотрудничество с местным населением. Впрочем, результаты подобных усилий оптимизма у него не вызывали, о чем он честно писал главнокомандующему:

Эти люди воспринимают любое проявление мною к ним доброты как признак слабости. А с другой стороны, едва лишь я выказываю в отношении их хотя бы немного даже не строгости, но твердости, они уже у моих ног. Они согнутся еще ниже, генерал, когда узнают, что вы вступили в Каир. До тех же пор, пока они все время колеблются между страхом и надеждой, я не слишком полагаюсь на их клятвы [Kléber, t. 1, p. 141–142].

Между тем, не имея на протяжении уже нескольких недель вестей от Бонапарта, Клебер не знал, что тот после взятия Каира кардинальным образом поменял свою политику.

«Повиноваться — для них значит бояться»

Поняв, что ни реверансы в отношении ислама, ни антимамлюкский дискурс не могут обмануть мусульман Египта и не обеспечивают французам их симпатий, Бонапарт пустил в ход уже испытанное во Франции средство — террор. Сразу же после вступления в Каир он в письме генералу Мену так очертил эту новую линию поведения:

Турками (так французы в Египте называли всех мусульман. — А. Ч.) можно управлять только с величайшей суровостью; каждый день я приказываю отрубить пять или шесть голов на улицах Каира. До сих пор нам приходилось с ними церемониться, чтобы опровергнуть ту пугающую репутацию, что предшествовала нашему появлению; сегодня же, напротив, мы должны взять такой тон, который позволит держать эти народы в повиновении; а повиноваться — для них значит бояться [Napoléon Bonaparte, p. 224–225].

В течение первого года оккупации, когда Восточной армией командовал Бонапарт, политика запугивания населения оккупационными властями носила систематический характер, хотя при этом и сочеталась с различного рода показательными жестами главнокомандующего, рассчитанными на завоевание симпатий мусульманской элиты. Происходило своего рода разделение обязанностей: Бонапарт пытался обаять влиятельных шейхов мечети аль-Азхар, устраивал для них обеды, вел ученые беседы об исламе и одаривал подарками [Laugens, 1997, p. 155–172], а полиция из местных христиан и магрибских наемников, служившая оккупационной администрации, изо дня в день терроризировала жителей Каира и его окрестностей. Особенно печальную славу снискал себе заместитель начальника полиции Бартелеми Грек, хладнокровный палач и садист. Французские участники экспедиции так вспоминали о нем:

Бартелеми Грек, по прозвищу Зерно Граната, казалось, вышел из того племени атлетов, чья легендарная мощь осталась сегодня лишь в преданиях. Со своим гигантским ростом, могучими плечами, поджарой и мускулистой фигурой он принадлежал к тому типу людей, который был прославлен античными скульпторами, ваявшими статуи Геракла. Если к телосложению колосса добавить огненный взгляд, бронзовый цвет кожи, сардоническую и жестокую усмешку на губах, то можно получить достаточно точное представление об этом египетском «Тристане»¹. Под его командованием находилась сотня греков, магрибинцев и берберов, крепких мерзавцев, столь же безжалостных, как их предводитель. Когда их ужасная банда выезжала из Каира через ворота Баб-эль-Футух, даже самые смелые цепенели от ужаса при виде этого. <...> Отдельной задачей сего отряда было защищать окрестности Каира от неожиданных нападений со стороны целых племен или отдельных групп бедуинов, но Бартелеми по-своему понимал собственные обязанности и считал своим долгом, чтобы каждый выезд имел реальные результаты. <...> Всякий раз при возвращении ему предшествовали пять-шесть голов, насаженных на длинные пики. <...> Нередко случалось так, что в своих дальних вылазках Бартелеми Грек не встречал бедуинов.

¹ Луи Тристан Л'Эрмит служил начальником полиции и палачом у короля Людовика XI.

Тогда, чтобы его триумфальные пики не остались без своих обычных трофеев, он приказывал своим людям нападать на бедных феллахов и рубить головы им. <...> Иной раз, когда охота оказывалась удачной и добычи было в изобилии, Бартеlemi ссыпал отрубленные головы в мешок и так предьявлял их потом французским властям [Histoire scientifique..., p. 129–130].

Подобные систематические убийства местных жителей производились с ведома французского командования и поощрялись им. Они не диктовались военной необходимостью, поскольку жертвами Бартеlemi становились не какие-либо реальные враги французов, а совершенно случайные люди, которым просто не повезло оказаться у него на пути. Таким образом, его действия диктовались исключительно стремлением посеять страх среди местного населения, т. е. представляли собой террор чистой воды.

Точно такой же террористический характер носили казни людей без объявления их вины, проводимые в Каире самими французами. Подобные факты неоднократно фиксировались шейхом Абдурахманом ал-Джабарти в его хронике периода французской оккупации [подробнее см.: Прусская, 2016б, с. 29–63]. Так, не прошло и недели после вступления Восточной армии в город, как ее командование предприняло акцию устрашения, дабы принудить местных жителей к возвращению ранее похищенного ими имущества из дворцов сбежавших мамлюкских беев:

...Французы арестовали *шайх ал-джу'илья*² и с ним другого человека и расстреляли их около озера ал-Азбакийи, а других лиц — на площади ар-Румайла. Люди были охвачены страхом и доносили друг на друга, и потому многое из награбленного имущества было возвращено [Абд ар-Рахман ал-Джабарти, с. 73].

Как видим, ал-Джабарти ни словом не упоминает о конкретной вине убитых французами людей, хотя в других случаях всегда будет сообщать, за что казнен тот или иной человек. Однако на сей раз расстрелы были произведены не для наказания виновных в краже, а чтобы запугать жителей города в целом и добиться от них необходимой реакции — возвращения похищенного имущества, т. е. имел место откровенный акт террора.

После Первого Каирского восстания в октябре 1798 г. французское командование приказало арестовать предводителей и наиболее активных участников движения, которых затем тайком казнили [Там же, с. 111]. Это была классическая мера чрезвычайного правосудия, направленная против конкретных виновников происшедшего. Однако ее органично дополняли и откровенно террористические действия полиции, публично творившей произвол в отношении неопределенно широкого круга лица:

Бартеlemi был уполномочен разыскивать тех, кто носил оружие или укрывал его. Он повсюду разослал своих помощников, которые шпионили на улицах и по своему

² Шайх ал-джу'илья — глава братства нищих.

собственному усмотрению или по указанию доносивших из ненависти христиан арестовывали жителей. Бартелеми судил арестованных, отнимал у них все, что хотел, и поступал с ними, как находил нужным. <...> Многие из жителей Каира были убиты и брошены в Нил. Только один бог может сосчитать, сколько людей погибло в эти два дня и в следующие дни. Неверные еще долго с большим упорством притесняли мусульман и добивались от них всего, чего хотели [Абд ар-Рахман ал-Джабарти, с. 106–107].

Впрочем, казни продолжались и месяцы спустя после подавления этого восстания. Так, 26 января 1799 г. «французы казнили в крепости около девяноста человек. В большинстве своем это были беглые мамлюки, которых разыскивали зловредный Ага [начальник полиции], Бартелеми и полицейские в домах, где они скрывались» [Там же, с. 139]. Перечень подобных актов можно продолжать и далее. Все они в полной мере отвечали представлениям Бонапарта о том, каким способом французам следует удерживать миллионы египтян в повиновении: «повиноваться — для них значит бояться».

В провинциях террор, как когда-то в Вандее, осуществлялся летучими колоннами французских войск, которые в случае любого сопротивления карали без разбора население целых деревень и даже городов, как это произошло с Даманхуром 9 мая 1799 г. Тремя неделями ранее пришедшие повстанцы — магрибинцы и бедуины — вырезали здесь французский гарнизон. Накануне местные шейхи, не желая навлекать беду на город, предупреждали коменданта о близости неприятеля, но он пренебрег их словами и был захвачен со своими солдатами врасплох. Когда в город прибыла летучая колонна генерала Франсуа Ланюса, повстанцы ушли, как пришли, а платить за все пришлось жителям Даманхура. По завершении карательной операции Ланюс доложил командованию:

Были убиты всего лишь три или четыре магрибинца; арабы [бедуины] же бежали как трупы. Солдаты обрушили возмездие на Даманхур и его обитателей. Сначала в окрестностях города были убиты 200–300 бежавших отсюда жителей. Затем я подверг этот недостойный город всем ужасам резни и разграбления. Даманхура больше нет; от 1200 до 1500 его обитателей сожжены или расстреляны [La Jonquière, t. 5, p. 87].

Более кратко, но не менее выразительно о происшедшем высказался участвовавший в акции офицер Симон Лефевр: «Город Даманхур был окружен, разграблен, сожжен и разгромлен» [Ibid., p. 88]. О том, что действия французозов в Даманхуре носили именно террористический характер, т. е. имели целью запугать местное население, свидетельствует донесение генерала Шарля Франсуа Жозефа Дюга вернувшегося из Сирии Бонапарту: «Даманхур разрушен. Этот пример устрасил, наконец, [провинцию] Бухайру» [Ibid., p. 92].

Судьба Даманхура не была печальным исключением. И внутренняя документация Восточной армии, и опубликованные источники частного происхождения свидетельствуют о постоянной практике осуществления оккупационными войсками подобных карательных акций. Однако точный подсчет их количества не проводился ни во французской, ни в какой-либо другой историографии, а потому данный аспект еще ждет своего исследователя.

Террор «фондовый» и «точечный»

С отъездом Бонапарта из Египта террор оккупационных властей по отношению к местному населению изменил свою форму, но отнюдь не прекратился. Перемены были связаны с разными приоритетами у прежнего командующего и у сменившего его генерала Клебера. Первый стремился к колонизации Египта, т. е. к тому, чтобы сделать власть французов над страной постоянной. Соответственно, страх египтян перед французами должен был непрерывно подпитываться террором, который поэтому носил при Бонапарте своего рода «фондовый» характер. Целью же Клебера было как можно скорее и с наименьшими потерями эвакуировать армию во Францию, а потому он прибегал к террору лишь «точно» — когда требовалось преодолеть то или иное конкретное препятствие на пути к данной цели.

Наиболее яркий пример такого «точечного» применения террора — это акция устрашения в Булаке во время Второго Каирского восстания. Осаждая взбунтовавшийся против французов полумиллионный город, Клебер не имел достаточно войск, чтобы взять его штурмом, даже после того как подтянул к столице Египта практически все силы Восточной армии. Тогда он попытался сыграть на противоречиях между различными фракциями повстанцев и в качестве рычага психологического давления на колеблющихся приказал провести показательную расправу над Булаком, городом-спутником Каира. Булак располагался на некотором отдалении от столицы, из-за чего основные силы повстанцев не могли помочь его защитникам, но все же достаточно близко, чтобы с высоких зданий Каира можно было воочию наблюдать за его участью. Полубригада генерала Бельяра взяла Булак штурмом, разграбив его и беспощадно расправившись с жителями [подробно см.: Чудинов, 2015, с. 319–326].

Младший лейтенант Франсуа Виго-Русильон так описал происшедшее в своем дневнике:

...Чтобы устроить Каир, солдатам был разрешен грабеж, и они, совершив тысячу ужасных деяний, подожгли этот город. Я уже был ранее знаком с подобными сценами насилия, но не с такими эксцессами, которые, как я видел, совершались в Булаке. Это было омерзительно! [Vigo-Roussillon, p. 110].

А вот что об этом рассказывает другой участник штурма, капитан Франсуа:

Мы вошли в город и стали поджигать дома — единственное средство справиться с мятежниками, поливавшими нас огнем. Тем не менее, нам удалось проникнуть внутрь города, повсюду устраивая пожары. <...> У врага было много убитых: штыками закалывали мужчин, женщин, детей. Невозможно установить точную цифру их потерь. <...> Этот бой велся только штыками. Каждый боец нес в руке горящий факел, устраивая повсюду пожары. Почти половина города сгорела... [Journal du capitaine François..., p. 374–375].

Расправа над Булаком достигла своей цели, напугав жителей Каира и существенно ослабив их боевой дух, что побудило городские элиты к поиску путей примирения с французами [подробнее см.: Чудинов, 2019, гл. 7].

После подавления Второго Каирского восстания французское командование использовало «точечный» террор для того, чтобы обеспечить скорейшую выплату египтянами контрибуции, необходимой для содержания Восточной армии. Власти проводили показательные аресты наиболее влиятельных и авторитетных людей, которых потом пытали в присутствии родственников, что придавало происходившему широкую огласку.

Показательна в данном отношении судьба шейха мечети аль-Азхар, престарелого Мухаммеда Абу-ал-Анвара ас-Садата. Прямой потомок Пророка Мухаммеда, он принадлежал к старинному каирскому роду, одному из наиболее уважаемых и влиятельных в городе. Садату удавалось ладить со всеми сменявшимися друг друга в Египте властями, и даже Бонапарт выказывал ему почтение, хотя и подозревал в причастности к Первому Каирскому восстанию. Однако после Второго восстания для шейха настали черные дни: французское командование обложило его персональной контрибуцией в 800 тыс. ливров и, пока та не была выплачена, держало старика в тюрьме, где он на глазах своих родственников подвергался ежедневным избиениям. Сам Садат в письме Клеберу следующим образом описывал свои злоключения:

Что касается утверждений о закопанных мною деньгах, то какая польза мне будет от денег, если я потеряю жизнь? Клянусь, что, если бы у меня было 100 000 кошельков, я бы их немедленно отдал, лишь бы выйти из того ужасного положения, в котором нахожусь. Мне шестьдесят восемь лет, и никогда в жизни меня не били: ни мой отец, ни те, кто меня воспитывал. Напротив, высокопоставленные лица и ученые меня всегда чтили и уважали, правители так же относились ко мне и одаривали своими милостями. Дом Садатов существует в Каире уже около пятисот лет, окруженный подобными почестями, и правители следовали в этом примеру своих предшественников. Бонапарт меня чтит и любит, и я вас прошу тоже меня любить, а не прислушиваться к дурным людям. Вы заточили меня в тюрьму, разлучили с сыном и со слугами. Меня бьют дважды в день. Я взываю к вашему милосердию. Если вы меня уморите, то какая польза вам будет от смерти немощного старика, обремененного ребенком и семьей? Эта смерть огорчит даже ваших друзей [Kléber en Égypte..., т. 4, р. 886].

Для французов гораздо важнее контрибуции от самого старого шейха было то, что разошедшаяся по городу молва о его страданиях оказывала мощное психологическое воздействие на местных жителей, наполняя их сердца ужасом. Если уж самого потомка Пророка, почтенного Садата за недоимки подвергают подобным мучениям, то чего следует ждать простым смертным?

Стремясь посредством страха сделать египетское общество более податливыми и обеспечить тем самым скорейшую выплату контрибуции, оккупационные власти осуществляли также казни произвольно отобранных лиц. Так, 2 мая 1799 г. Клебер поручил коменданту Булака произвести показательную казнь одного из горожан, чтобы сделать население впредь покладистее:

Жители Булака истощили мое терпение. Вследствие этого я вам, гражданин комендант, приказываю отрубить голову одному из тех, кто особенно противится

исполнению моих приказов. В то же время это будет пример жителям Каира, у которых я не ожидаю встретить большего рвения. Поручите выбор этого индивида [лидеру коптской общины] Муалему Якубу [Kléber en Égypte..., t. 4, p. 868].

Подобная практика — убить одного, чтобы напугать и сделать послушнее остальных — собственно и является собой суть террора.

«Точечным» и сугубо «прагматическим» террор оставался до самой смерти Клебера. Когда после него армию возглавил генерал Мену, являвшийся, как и Бонапарт, сторонником колонизации Египта, террор вновь приобрел непрерывный, «фоновый» характер и оставался таковым до самой капитуляции Восточной армии. Хроника ал-Джабарти изобилует описаниями многочисленных фактов произвола, творившегося французами для того, чтобы держать египтян в страхе. Приведу лишь один эпизод будней террора:

В конце месяца пришел в диван один человек в сопровождении своей семьи, прося о помощи, в связи с тем, что французские полицейские арестовали его сына-бакалейщика и посадили его к коменданту в тюрьму. Вот что послужило причиной ареста. Одна женщина пришла к бакалейщику, чтобы купить масло. Торговец заявил, что у него нет масла. Женщина настаивала, он потерял самообладание. Желая над ним поиздеваться, женщина крикнула: «Ты бережешь масло, чтобы продать туркам». Он ответил ей: «Да, назло тебе и французам». Пришедший с женщиной мальчик передал слова бакалейщика. О происшедшем было доведено до сведения коменданта, а последний приказал привести торговца и посадил его в тюрьму. Отец говорил, что он боится, как бы сына не казнили. Комиссар [дивана] сказал ему: «Нет, нет. За одни только эти слова его не казнят. Будь спокоен. Французы не столь несправедливы». Однако на следующий день бакалейщик вместе с другими четырьмя лицами, о преступлении которых ничего не было известно, был казнен. Они отошли в прошлое [Абд ар-Рахман ал-Джабарти, с. 357–358].

Так продолжалось до самого конца французской оккупации.

* * *

Из всех «даров» революционной Франции, с которыми Наполеон Бонапарт прибыл в Египет, именно террор нашел там наиболее активное применение. Ни естественные науки, ни воздухоплавание, ни периодическая печать, ни археология, ни театр не произвели на местных жителей того впечатления, на которое рассчитывал французский главнокомандующий, и не пустили корней в египетской земле. Диалог двух цивилизаций не удался, а их взаимодействие вылилось в острый конфликт. В ходе этого конфликта опыт государственной политики террора, который французы в течение целого года изучали в «школе» своей Революции, был применен ими в Египте. Именно эта политика террора и позволила крошечному меньшинству в тридцать тысяч человек удерживать на протяжении трех лет власть над несколькими миллионами жителей страны, почти в два раза превышавшей размерами Францию.

Источники

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. М. : Изд-во вост. лит., 1962.
- Робестьер М.* Избранные произведения. М. : Наука, 1965. Т. 3.
- Террор // Большой Энциклопедический словарь. 2000. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/66854-ТЕРРОР> (дата обращения: 11.06.2020).
- Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Première série. Т. 96. Paris : CNRS éditions, 1990.
- Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte. Paris : Tallandier, 2003.
- Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 1–4 / étude historique, présentation et notes par H. Laurens. Paris : Institut français de l'archéologie orientale, 1988–1995.
- La Jonquière C. de.* L'expédition d'Égypte (1798–1801). Paris : Éditions historiques Teissède, 2003. Т. 2, 5.
- Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale. Т. 2 : La campagne d'Égypte et l'avènement 1798–1799. Paris : Fayard, 2005.
- Savary J. J.* Guerres des Vendéens et des Chouans contre la République française ou annales des départements de l'ouest pendant ces guerres. Paris : Baudouin frères, 1825. Т. 4.
- Vigo-Roussillon F.* Journal de la campagne (1793–1837). Paris : France-Empire, 1981.

Исследования

- Генифе П.* Политика революционного террора 1789–1794 / под ред. А. В. Чудинова. М. : Едиториал УРСС, 2003.
- Зайцева Д. В.* Миссия народного представителя Ж.-Л. Тальена в Бордо 1793–1794 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018а. Вып. 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1> (дата обращения: 11.06.2020).
- Зайцева Д. В.* «Черная легенда» о Ж.-Л. Тальене // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М. : ИВИ РАН, 2018б. С. 464–475.
- Зайцева Д. В.* Участие Ж.-Л. Тальена в разгроме Киберонской экспедиции роялистов // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М. : ИВИ РАН, 2019. С. 42–52.
- Прусская Е. А.* Антифранцузское движение протеста в Египте 1798–1801 гг. // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М. : ИВИ РАН, 2016а. С. 125–144.
- Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М. : Полит. энциклопедия, 2016б.
- Чудинов А. В.* Второе Каирское восстание: 20 марта — 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М. : ИВИ РАН, 2015. С. 262–342.
- Чудинов А. В.* Народы против Французской революции // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М. : ИВИ РАН, 2016. С. 5–35.
- Чудинов А. В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М. : Полит. энциклопедия, 2019.
- Bret P.* L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte: 1798–1801. Paris : Hachette littératures, 1998.
- Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte / par L. Reybaud. Paris : A.-J. Dénaire et Delamare, 1830–1836. Т. 4.
- Laissus Y.* L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou: 1798–1801. Paris : Fayard, 1998.
- Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798–1801. Paris : Éditions du Seuil, 1997.
- Laurens H.* Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. Paris : CNRS éditions, 2004.
- L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières 1798–1801. Actes du colloque international organisé par l'Académie des inscriptions et belles-lettres et l'Académie des sciences, sous les auspices

de l'Institut de France et du Muséum national d'histoire naturelle, 8–10 juin 1998, réunis par P. Bret. Paris : Académie des sciences, 1999.

References

Bret, P. (1998). *L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte: 1798–1801*. Paris : Hachette littératures.

Bret, P. (Ed.). (1999). *L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières 1798–1801*. Actes du colloque international organisé par l'Académie des inscriptions et belles-lettres et l'Académie des sciences, sous les auspices de l'Institut de France et du Muséum national d'histoire naturelle, 8–10 juin 1998. Paris: Académie des sciences.

Guenniffey, P. (2003). *Politika revoliutsionnogo terrora 1789–1794* [The Policy of Revolutionary Terror 1789–1794] (A. V. Tchoudinov, Ed.). Moscow: Editorial URSS.

Laissus, Y. (1998). *L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou: 1798–1801*. Paris: Fayard.

Laurens, H. (1997). *L'expédition d'Égypte 1798–1801*. Paris: Éditions du Seuil.

Laurens, H. (2004). *Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte*. Paris: CNRS éditions.

Prousskaya, E. A. (2016a). Antifrantsuzskoie dvizhenie protesta v Egipte 1798–1801 gg. [Anti-French Protest Movement in Egypt in 1798–1801]. In *Frantsuzskij ezhegodnik 2016: Protestnye dvizheniia v epokhu Frantsuzskoi revoliutsii i Pervoi imperii* [Annual of French Studies 2016: Popular Insurrections in the Age of the French Revolution and the First Empire] (pp. 125–144). Moscow: IVI RAN.

Prousskaya, E. A. (2016b). *Frantsuzskaia ekspeditsiia v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriatie dvukh tsivilizatsii* [French Expedition to Egypt 1798–1801: Mutual Perception of the Two Civilizations]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedia.

Reybaud, L. (Ed.). (1830–1836). *Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte* (Vol. 4). Paris: A.-J. Dénain et Delamare.

Tchoudinov, A. V. (2015). Vtoroe Kairskoe vosstanie: 20 marta – 21 aprelya 1800 g. [The Second Cairo Uprising: March, 20 – April, 21 1800]. In *Frantsuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiiu Frantsuzskoi revoliucii* [Annual of French Studies 2015: The 225th Anniversary of the French Revolution] (pp. 262–342). Moscow: IVI RAN.

Tchoudinov, A. V. (2016). Narody protiv Frantsuzskoi revoliutsii [Peoples against the French Revolution]. In *Frantsuzskij ezhegodnik 2016: Protestnye dvizheniia v epokhu Frantsuzskoi revoliutsii i Pervoi imperii* [Annual of French Studies 2016: Popular Insurrections in the Age of the French Revolution and the First Empire] (pp. 5–35). Moscow: IVI RAN.

Tchoudinov, A. V. (2019). *Zabytaia armii: Frantsuzy v Egipte posle Bonaparta 1799–1800 gg.* [The Lost Army. The French in Egypt after Bonaparte 1799–1800]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedia.

Zaytseva, D. V. (2018a). Missiia narodnogo predstavitelia Zh.-L. Taljena v Bordo 1793–1794 gg. [The Mission of the People's Representative J.-L. Tallien in Bordeaux 1793–1794]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal "Istoriia"*, 10(74). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1>

Zaytseva, D. V. (2018b). "Chernaia legenda" o Zh.-L. Taljene ["The Dark Legend" of J.-L. Tallien]. In *Frantsuzskij ezhegodnik 2018: Mezhekulturnye kontakty v period inostrannoï okkupatsii* [Annual of French Studies 2018: Cross-Cultural Contacts during Foreign Occupation] (pp. 464–475). Moscow: IVI RAN.

Zaytseva, D. V. (2019). Uchastie Zh.-L. Taljena v razgrome Kiberonskoi ekspeditsii roialistov [The Participation of J.-L. Tallien in the Defeat of the Royalist Quiberon Expedition in 1795]. In *Frantsuzskij ezhegodnik 2019: Epokha Napoleona i pamiat o nei* [Annual of French Studies 2019: The Era of Napoleon and Its Memory] (pp. 42–52.). Moscow: IVI RAN.

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук

¹главный научный сотрудник«Научно-образовательный центр
региональное историко-культурное
наследие и кросс-культурные связи»
Институт истории и международных
отношенийСаратовский национально-
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83²главный научный сотрудникИнститут всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а

E-mail: tchoudin@mail.ru

Tchoudinov, Alexander Victorovich

Dr. Hab. (History),

¹Chief Researcher“Research and Educational Center Regional
Historical and Cultural Heritage and Cross-
Cultural Relations”Institute of History and International
Relations

Saratov State University

83, Astrakhanskaya Str., 410012 Saratov,
Russia²Chief Researcher

Institute of World History RAS

32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia

Email: tchoudin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2522-453X

Scopus AuthorID: 26034936800